

Прошло некоторое время, прежде чем он заметил, что человек у двери стоит неподвижно, и что-то не так. Повернув голову и увидев Цзи Шаотина, он мгновенно замер.

Затем последовала серия быстрых рефлекторных действий: он резко потянул за пепельницу и затушил сигарету.

Не понимая, что это только выдаёт его ещё больше, Цзи Шаотин взглянул на окурочек в пепельнице и сказал:

— Оказывается, господин Ли курит.

И курит так много.

Ли Чэнь кашлянул пару раз, избегая взгляда Цзи Шаотина, и ответил:

— Иногда.

Цзи Шаотин закрыл дверь, подошёл с термосом и, казалось, решил не заострять внимание на этом, переключившись на другое:

— Я принёс ужин. Это не остатки, я специально приготовил.

Затем он мельком взглянул на рамку с фотографией на столе, и его рука, расстёгивающая сумку, замерла.

Это была их свадебная фотография.

Красный фон, красный, как цвет сердца. Они были в белых парных рубашках, с полукруглой синей полоской на левом рукаве. Ли Чэнь улыбался, его глаза были полны нежности, и даже через фотографию было видно, как он счастлив.

Цзи Шаотин снова посмотрел на Ли Чэня. На этот раз он ясно увидел, что реакция Ли Чэня была странной: его уши сильно покраснели, а взгляд блуждал.

Цзи Шаотин вдруг вспомнил, что девушка на ресепшене говорила ему: «Не зря все говорят, что господин Ли очень любит свою жену!»

Ли Чэнь был смущён этой неожиданной ситуацией, ему было неловко в этой почти признательной атмосфере, и он протянул руку, чтобы убрать рамку, которая была источником всех проблем, но Цзи Шаотин сначала остановил его руку.

Между ними витал запах сигаретного дыма.

На лице Цзи Шаотина постепенно появилось выражение нежности, которое Ли Чэнь никогда раньше не видел, и даже тон его голоса стал совсем другим.

— Ачэнь, — он искренне, тихо произнёс это имя, и в нём внезапно возникло горячее желание стать его настоящим партнёром, — больше не кури.

Ли Чэнь поднял глаза и уставился на Цзи Шаотина, потерянно ответив:

— Хорошо.

Цзи Шаотин убрал руку с руки Ли Чэня и снова начал расстёгивать сумку, задавая самый

обычный вопрос:

— Устал?

— Нет... — Ли Чэнь сделал паузу, не закончив фразу, и поправился, — Плечи немного...

— Затекали от долгого сидения, да? — Цзи Шаотин начал выкладывать закуски на стол. — Ешь, я тебе помассирую.

Разговоры прекратились, но неловкость исчезла. Цзи Шаотин массировал плечи Ли Чэня, а Ли Чэнь съел весь ужин, который приготовил Цзи Шаотин.

Оба, казалось, нашли самое естественное состояние, и в их сердцах возникло странное чувство.

У Ли Чэня действительно была работа, но он решил сейчас же отправиться домой вместе с Цзи Шаотином. Цзи Шаотин понял, что в его глазах он действительно важнее работы. Хотя было трудно не растрогаться, именно поэтому он не мог позволить Ли Чэню делать всё по-своему. Настоящий партнёр должен поддерживать другого в его делах, а не мешать.

Видя, что Ли Чэнь начинает упрямиться, Цзи Шаотин невольно улыбнулся и спросил:

— Может, я пойду домой и приготовлю тебе постель?

Ли Чэнь вдруг вспомнил поговорку: «Жена, дети и тёплая постель».

Затем Цзи Шаотин добавил убийственную фразу:

— Будь хорошим.

— Тогда... ты иди домой... — сказал Ли Чэнь.

Но он настоял на том, чтобы проводить Цзи Шаотина до лифта, используя служебный лифт, словно боясь, что кто-то не узнает, что его жена специально принесла ему ужин.

Водитель уже ждал снаружи, и Цзи Шаотин не позволил Ли Чэню идти дальше:

— Работа важна, хорошо?

Ли Чэнь почувствовал, что Цзи Шаотин уже понял, как использовать его слабости. Когда он просил что-то таким мягким тоном, у Ли Чэня не было шанса отказать. Он чувствовал себя немного неловко, но в то же время это было странное, добровольное неловко.

— Хорошо, — Ли Чэнь услышал, как его голос звучит непривычно, как будто он капризничает, — ты жди меня дома.

Цзи Шаотин улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

В Наньюне не было снега, не было ярких зимних пейзажей. В местах, куда не доходил яркий свет, переулки между высотками казались канавами.

Цзи Шаотин сидел на заднем сиденье, глядя на маленькую пластиковую птичку на переднем стекле, красную, с коричневыми оттенками, приклеенную прочным клеем, словно навсегда.

Цзи Шаотин смотрел на место, где она была приклеена, и вдруг увидел в этом объятие Ли Чэня, такое же настойчивое, липкое, неразрывное. Раньше это его только пугало, но теперь он почувствовал странную смущённость. Его лицо покраснело, и он быстро отвел взгляд.

Затем, через медленно движущееся окно в толпе, он увидел лицо, которое не было незнакомым.

Лицо, полное желания, с аккуратно нанесённым макияжем. Цзи Шаотин подумал, что, вероятно, он был накрашен. Эта оживлённая торговая улица была полна людей, и Цзи Шаотин не понимал, почему он обратил внимание именно на него, но скоро понял — потому что тот с самого начала пристально смотрел на него.

Цзи Шаотин колебался пару секунд, но всё же попросил водителя ехать дальше, а сам решил ненадолго выйти и быстро догнать машину.

— Здравствуйте, — вышел из машины и подошёл, выбрав самое нейтральное и короткое приветствие.

— Привет, — парень улыбнулся, заставив мышцы лица напрячься, и Цзи Шаотин заметил, что на его лице действительно был макияж. Он невольно вздохнул, думая, действительно ли всё это было необходимо. Этот мальчик был в лучшем возрасте.

Но он больше не размышлял об этом. Если нужно было решить этот вопрос, то сейчас был лучший момент:

— Что бы Ачэнь ни делал раньше, я не буду держаться за это. Сейчас он хороший муж, и этого достаточно.

— Правда? — парень наклонил голову, уголок его рта приподнялся. — Но сегодня вечером именно господин Ли позвал меня.

Удивление в глазах Цзи Шаотина и спокойствие в его голосе противоречили друг другу. Он спросил:

— Что?

Но в его глазах уже был ответ: ты лжёшь.

— Господин Ли действительно позвал меня, — парень продолжал улыбаться, пожимая плечами, и достал из кармана телефон, быстро открыл WeChat и показал Цзи Шаотину.

Это действительно был стиль Ли Чэня, короткое и ясное указание: [Сегодня в 10 вечера, выбери место].

Когда Цзи Шаотин вышел из машины, он не чувствовал холода, но теперь зимний мороз проник в его кости.

Последний диалог был совсем недавно. Цзи Шаотин подсчитал, что это было уже после того, как он принёс Ли Чэню ужин. Ли Чэнь, пока он не заметил, нашёл момент, чтобы написать этому парню, чтобы тот ушёл.

Формулировка была такой же резкой, как и приглашение: [Не нужно].

— Эта родинка у тебя на виске... — парень неожиданно приблизился, — она особенная,

красная? Или коричневая?

Тёплое дыхание коснулось щеки Цзи Шаотина, и он напрягся, поспешно отступив на два шага, чтобы сохранить дистанцию, и на его лице появилось редкое выражение настороженности.

Парень улыбнулся, обнажив белые зубы, и в его облике внезапно появилась какая-то неземная чистота.

— Ты такой же, как я, — он неожиданно произнёс это, и Цзи Шаотин настороженно посмотрел на него.

Он перестал улыбаться, и весь его облик снова стал наполнен косметикой:

— Ты из тех, кто нравится господину Ли, чистый. Он выбирает людей с такой внешностью, ему нравится контраст между тем, что на поверхности и внутри. Твоё лицо тоже идеально подходит, оно немного круглое, его можно ущипнуть. Он тоже часто просит тебя...?

Цзи Шаотин внезапно покрылся холодным потом, не в силах произнести ни слова.

На лице парня появилось выражение торжества:

— Ты ведь не настоящая госпожа Ли, правда?

Цзи Шаотин замер.

— Все знают, что мать господина Ли больна раком, и она настаивает на свадьбе. Ему срочно нужен был чистый и подходящий партнёр для брака, а твоя компания как раз обанкротилась, и ты отдал себя в долг.

Действительно, Ли Чэнь был публичной личностью, и даже самые мелкие подробности его жизни становились предметом обсуждения, не говоря уже о таком важном событии, как свадьба.

Даже студент, не имеющий связей, смог узнать всю эту историю. Возможно, тётя Чэнь сама уже давно всё понимала.

Весь мир знал, что они были фальшивыми, куклами на сцене, и только они сами почти поверили в это. Или, может быть, только Цзи Шаотин почти поверил.

— Ладно, холодно, не будем больше говорить, — голос парня был лёгким и саркастичным, — госпожа Ли, позаботься о своём муже, чтобы ему не пришлось искать кого-то ещё, а если и искать, то чтобы не приходилось звать и прогонять, как игрушку. Разве это не обидно?

<http://bllate.org/book/16306/1470766>